

# **ЭССЕ В ТВОРЧЕСТВЕ М. И. БРЫЖИНСКОГО: стабилизация жанра и новаторство творческого подхода**

**ЕГОРОВА Наталья Вениаминовна,**

*кандидат филологических наук, преподаватель кафедры журналистики  
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, РФ), tatacute@mail.ru*

**Введение.** В статье рассматривается эссеистическое творчество М. И. Брыжинского, в частности произведение «Пингень гайть» («Звон эпох»). Теоретическую основу работы составили труды А. И. Брыжинского, В. И. Демина, Н. В. Зиновьева, Н. Ф. Мокшина. Ее практическая значимость заключается в выявлении основных тенденций развития эссе в контексте мордовской литературы. Объектом исследования служит эссеистическое творчество М. И. Брыжинского. Предметом исследования являются жанровые элементы эссе как глубоко индивидуальной формы восприятия действительности. Цель исследования – раскрыть идейно-эстетическое и стилевое своеобразие произведений данного жанра.

**Материалы и методы.** Методология исследования сочетает историко-литературный и сравнительно-типологический методы изучения литературы, а также контент-анализ текстов. Материалом исследования послужили произведения М. И. Брыжинского, научные труды мордовских ученых, имеющие общетеоретическое и методологическое значение (А. И. Брыжинского, В. И. Демина, Н. В. Зиновьева, Н. Ф. Мокшина).

**Результаты исследования и их обсуждение.** Развитие жанра говорит о новом этапе творческого роста художников слова. Примером этого являются художественно-публицистические работы М. И. Брыжинского. Глубина и зрелость взглядов эссеиста находят воплощение в произведении «Пингень гайть» («Звон эпох»). Наряду с научно-исследовательской направленностью данного эссе, анализом важных исторических, культурно-просветительных вопросов современности важное значение имеет эмоционально-образная сторона произведения, максимально точно отражающая авторское начало в тексте. Концентрация наиболее значимых жанровых компонентов говорит о закономерности стабилизации эссе в творчестве М. И. Брыжинского.

**Заключение.** На примере произведения «Пингень гайть» («Звон эпох») М. И. Брыжинского были выявлены жанровые элементы эссе как глубоко индивидуальной формы восприятия действительности. Присущие тексту открытость, эмоциональность разговорных конструкций (риторических вопросов, восклицаний), диалогизация являются основными чертами жанра и позволяют в полной мере характеризовать произведение как вершину эссеистического творчества мордовских прозаиков.

**Ключевые слова:** эссе; мордовская литература; индивидуальный мировоззренческий опыт; историзм прозы; авторское начало.

**Для цитирования:** Егорова Н. В. Эссе в творчестве М. И. Брыжинского: стабилизация жанра и новаторство творческого подхода // Финно-угорский мир. 2017. № 1. С. 30–39.

Значительное место в мордовской прозе занимает творчество М. И. Брыжинского – члена Союза писателей СССР с 1990 г., лауреата Государственной премии РМ (2004).

Известный мордовский писатель родился 6 октября 1951 г. в с. Новые Турдаки Кочкуровского района Мордовской АССР в семье учителя. Окончил Новотурдаковскую среднюю школу, затем филологический факультет МГПИ им. М. Е. Евсевьева. В 1977 г., после службы в армии, он решил пойти по стопам отца, начав работать учителем родного языка и литературы в своем селе.

Педагогическая деятельность Брыжинского не мешала его творческой са-

морееализации как писателя. Наоборот, специальные познания, высокая профессиональная компетентность способствовали тому, что мысли автора в тексте получали всестороннее и глубокое отражение. Специфической чертой его художественных произведений выступает историзм прозы. Особый интерес представляют отобранные автором неизвестные ранее факты истории мордовского народа, судьбы его выдающихся представителей. На рубеже веков это стало общелитературной тенденцией, в связи с чем Н. В. Зиновьев замечает: «В последние годы в литературе наметилась тенденция более глубокого осмысления истории, культуры мордовского народа, героя

нашего времени, положительного идеала» [5, 3].

Одним из проявлений указанной тенденции может служить художественно-публицистический сборник «На перекрестке мнений» (1990). Само название говорит о широком спектре различных точек зрения на историю Мордовии. Плюрализм мнений авторов сборника способствует разрушению стереотипов и формированию нового логического мышления, активизации системного подхода к рассмотрению данной тематики. «Духовное богатство народа – наша внутренняя экологическая среда, требующая защиты и сохранения, восстановления глубинных связей человека с историческим и культурным наследием. В наши дни, когда те ценности, на которых раньше держалось наше общество, те институты власти, на которые оно опиралось, все меньше и меньше стали признаваться народом, – эта задача стала особенно важна. Возрождая нации, немислимо не знать духовной культуры своего народа. Без этого нельзя понять культуру и других народов», – к такому выводу приходит один из авторов сборника Н. М. Арсентьев в материале «Корни нашей истории» [7, 9]. Брыжинский, как и другие современные писатели, обращается к анализу социальной и духовной жизни нации, ее далекому прошлому, к расширенной интерпретации культурных традиций в свете их преемственности.

Уже в первой своей повести «Половт» («Набат»), вышедшей в 1983 г. и посвященной событиям из истории мордовского народа XIII в., **Брыжинский воспроизводит** эпизоды единения русских и мордвы в борьбе против монголо-татарского ига.

Картины сражений поволжских народов в Крестьянской войне под предводительством Степана Разина автор изображает в не менее интересной и содержательной повести «Ради братьев своих» (1986), написанной на русском языке. На фоне конкретной исторической эпохи писатель мастерски вырисовывает отдельные детали, из которых в итоге складываются живые и объемные образы, позволяющие читателю

представить события, описываемые в произведении.

В дальнейшем исторический аспект в творчестве активно реализуется Брыжинским при работе в жанре эссе, что выдвигает перед автором принципиально новые задачи. В отличие от доминирующих в данный период исследовательских статей, проблемных очерков, во многом опосредованно и обобщенно освещающих важные этапы истории мордовского народа и края, для произведений писателя характерен творческий подход, который можно назвать смелым и новаторским. Суть его состоит в яркой формулировке мыслей, эмоциональном тоне повествования, заставляющего взглянуть на тот или иной вопрос вопреки общепринятым мнениям. Тем самым Брыжинский расставляет новые акценты, настойчиво избегая банальности выражений.

Не вступая в противоречие с фактологичностью, детальностью в повествовании, личностное начало позволяет автору посредством процесса самопознания выходить к выводам, подкрепленным индивидуальным мировоззренческим опытом. Опыт, в свою очередь, плавно перетекает в единую идейно-содержательную концепцию. Следует отметить, что в процессе развития и становления авторской концепции каждая деталь в произведении обогащается смыслом, причем это не мешает интерпретации происходящего, а, напротив, дополняет ее.

Глубоким аналитиком, исследователем, тонким наблюдателем предстает автор в эссе «Пингень гайть» («Звон эпох»). Произведение вышло в свет в 1990 г., не раз перепечатывалось на мокшанском, эрзянском, русском языках в республиканских газетах, журналах, коллективных сборниках. Отсюда его триязычное название: эрзянское «Пингень гайть», мокшанское «Векнень вайгяльсна», русское «Звон эпох». Как точно подметил А. И. Брыжинский, «поистине целая история мордовского народа выписана в этом эссе объемом чуть более двух печатных листов. Столько новых, интересных сведений дано о предках мордвы, открыто столько малоизвест-

ных страниц из жизни эрзян, мокшан!» [1, 180].

Взор писателя в эссе обращен к серьезным национальным проблемам, в связи с чем дается глубокое осмысление исторического прошлого. Эссеиста волнует главный вопрос: «Кто мы такие есть, когда и почему называли нас “мордвой”?» [3, 71]. По его мнению, отсутствие четкого толкования подталкивает различных исследователей к сомнительным и даже оскорбительным характеристикам мордовского народа: «То мы “мордхвар” – “пожиратели людей”, то “морденс” – “смерть дарующие”, то даже “люди-свиньи»» [3, 70]. Возмущению писателя нет предела: «Просто так, ни за что ни про что дать целому народу – большому народу, в древности состоявшему из сотен родов и племен, – оскорбительное и абсолютно неверное имя?! Даже ордам Батыя и Гитлера, действительно несущим смерть и рабство, такого определения не давали» [3, 70]. Грубые и беспочвенные характеристики, способные возмутить каждого представителя мордовской нации, вынуждают автора буквально на научно-исследовательском уровне углубиться в семантику, этимологию слова «мордва». Начинает он с истории своего народа.

Обращаясь к далекому прошлому мордвы, Брыжинский поэтапно приводит широкий ряд исторических сведений относительно национальной культуры, быта, общественно-политических отношений предков: «До VII–VIII веков нашей эры между славянами и угро-финскими народами, в особенности поволжскими и уральскими, не было никаких контактов. Об этом говорит археология. На местах финских поселений не обнаружено никаких славянских вещей, датируемых ранее VII–VIII веков. В восточно-финских языках нет общеславянских слов и корней, те же, что имеются, – русские, недавнего заимствования.

По данным историков и археологов видно: в места расселения мокши и эрзи славяне начали проникать в VII веке нашей эры» [3, 90]. Детальность важна для автора. Благодаря ей выстраивается проч-

ный и нерушимый каркас из исторических фактов, утрата хотя бы одного из них может разрушить взаимосвязь других элементов в повествовании, что недопустимо.

Приводя убедительные доводы, опровергающие некоторые сомнительные взгляды на этнос, эссеист призывает мордовских ученых к углубленному изучению поставленного вопроса: «Не стыдно ли самой-то мордве лениться нагнуться, да подобрать валяющееся толкование нашего этнонима? И вовсе не нужно для этого отправляться в далекие страны. Вернее будет поспрашивать соседей да и своих родственников угро-финнов. Народ никогда зря слово не скажет, в отличие от некоторых ученых» [3, 72].

Не лишенный разговорной интонации текст, отражающий эмоциональный авторский настрой, направлен на привлечение максимального внимания читательской аудитории. Этой же цели служит обилие риторических вопросов и восклицаний, побуждающих к совместному диалогу. Писатель настойчиво стремится быть услышанным и понятым каждым, кому небезразлична судьба нации.

Культурно-историческая ценность эссе Брыжинского состоит еще и в том, что анализ проводится в сопоставительном плане. В рассуждениях лингвистического либо этнографического характера непременно прослеживаются дуалистические параллели в близкородственных эрзянском и мокшанском языках, в укладе жизни и культуре финно-угорских народов. Например, выделив общую часть морд-, мур-, -мурт, мар- в удмуртском, марийском, коми, мокшанском, эрзянском языках, писатель заключает: «...во всех них есть слово или корень слова “морт”, “морд”, “мирд”, “мурт”, “мор”, “мар”, “мур”, “мер” с одним и тем же значением – “мужчина”, “муж”, “человек”.

Что же получается? Этнические названия восточно-финских народов (мари, мордва, меря, мурома, удмурты) близки, если не одинаковы – “люди”? Марийский и удмуртский языки об этом говорят прямее некуда» [3, 76].

Подобная взаимосвязь выступает важным аргументом, отражающим необходимость всестороннего понимания исторического процесса. Исследовательский характер работы подтверждается данными раскопок, осуществляемых археологами Мордовии. Автор приводит много новых сведений о предках мордвы, открывает малоизвестные страницы из жизни эрзян и мокшан.

В тексте эссе мы также наблюдаем исследовательские параллели с научными трудами по данной теме. Брыжинский активно обращается к ним при написании произведения во многом для того, чтобы осмыслить заявленную в тексте проблему, выделить наиболее важные детали, в частности при толковании этнонима «мордва»: «Если верить Иордану – а почему бы не поверить? Какие основания не верить? – народ под именем “мордва” был известен уже в IV веке. Его считали единым народом. Оно так и было. Археологи утверждают, что деление нашего народа надвое произошло не ранее VII века нашей эры. Об этом говорят находки при раскопках. Только датированные VII веком и более поздние начинают иметь некоторые отличительные особенности» [3, 81].

Научное подтверждение сказанному мы находим в работе Н. Ф. Мокшина «Мордовский этнос»: «Мордва по письменным источникам стала известна с VI века нашей эры. Первое достоверное упоминание о ней содержится в сочинении Иордана “О происхождении и деяниях гетов”. Позднее о мордве писали император Византии Константин Порфирогенет, западноевропейские путешественники и ученые Юлиан, Карпини, Рубрук, Матфей Парижский, Роджер Бэкон. Самые ранние сведения о мордве в русских письменных источниках восходят к XII–XIII векам» [6, 17].

Вышесказанное в очередной раз подчеркивает научную обоснованность и достоверность каждого выдвигаемого в эссе тезиса. Автор активно позиционирует свою наблюдательность, осведомленность и заинтересованность исследуемым вопросом. Однако не только научный материал слу-

жит основой его взглядов и выводов. Особое место в произведении занимает фольклорная база, которая в отдельных случаях как бы дополняет привлекаемые научные данные. В частности, касаясь проблемы неделимости и единства мордовского народа, автор приводит отрывок старинной песни «Вирь чиресэ» («У опушки леса»):

«У опушки леса эрзянский парень дрова рубит,  
На краю леса мокшанский молодец поленья колет.  
Раз ударит эрзянский парень – дважды оглянется,  
Два ударит мокшанский молодец –

трижды оглянется» [3, 81].

Авторское понимание данного отрывка содержится в емком и выразительном фрагменте эссе: «Тут ведь речь идет не о двух людях – мокшанине и эрзянине, но об одном человеке. Тот же герой этой песни то эрзя, то мокша одновременно. Это говорит о том, что мордва создавала себя единым народом. И мокша, и эрзя – это одно и то же, неделимое, это один народ» [3, 81].

---

Эссеист не сковывает себя какими-либо рамками в тематической, идейной направленности произведения. Его главная цель – быть понятым и услышанным своим читателем. Именно поэтому каждая деталь в эссе подается сквозь призму авторского восприятия – индивидуального, эмоционального, субъективного...

---

Вполне оправданным представляется использование Брыжинским фольклорного материала при изучении семантики отдельных слов. Так, формулируя значение слова «Москва», автор обращается к восточно-финским языкам, в которых активно используется корень «моск». В эрзянском языке во многих диалектах осталось древнее название медведя – «маська», «моска» и др. В коми языке синонимом к «ош» (медведь) является слово «мос». Логически выстраивая цепочку языковых параллелей, эссеист приходит к закономерному выводу, что слово «Москва» – восточно-финское и означает «Медвежья река». Как и почему возникло такое название, автор объясняет на при-



мере легенды о Тукане – добром охотнике финно-угорского народа меря.

Перед читателем открываются далекие времена, когда на берегу реки, позднее названной Медвежьей, жили люди народа меря. «Зимний лес. От трескучих морозов снег обычно затягивается настом, но нынче зима мягкая, и поэтому снег в лесу рыхлый, лыжи охотников проваливаются, когда пробираются через заснеженный лес.

Второй день они гонятся за медведем, который неожиданно увернулся из-под ножа» [3, 101].

В отличие от доминирующих в данный период исследовательских статей, проблемных очерков, во многом опосредованно и обобщенно освещающих важные этапы истории мордовского народа и края, для произведений Брыжинского характерен творческий подход, который можно назвать смелым и новаторским. Суть его состоит в яркой формулировке мыслей, эмоциональном тоне повествования, заставляющего взглянуть на тот или иной вопрос вопреки общепринятым мнениям.

Медведь – главный трофей и стимул, который движет уставшими и почти обесилевшими охотниками. Особенно эта добыча важна для Тукана, прославившегося тем, что не одного медведя завалил в единоборстве. Больше всего боится он позора, который ждет его в селении. Охотничий обычай велит: «...ни в коем случае не оставлять в лесу недобитого медведя... Ранишь ножом или рогатиной – живи в лесу до тех пор, пока не прикончишь. Нарушишь обычай, оставишь подранка – большое зло содеешь. Зверь по следам придет в селение, найдет и постережет обидчика. Набросится тогда, когда вовсе не ждешь его. Потом примется мстить всему селению» [3, 102]. Кровавый след зверя заставляет Тукана упорно идти вперед – не ради себя, а ради близких ему людей.

Однако сильны не только охотники. Отважна и непокорна их добыча. Совершенно

непонятно, что движет этим могучим животным: природный ли инстинкт, мистическая ли сила. Все объясняет развязка легенды: медведь пропадает из виду охотников, но вскоре главный из них – Тукан оказывается верхом на звере. Кто из них победил, а кто проиграл – становится неважно.

С помощью легенды Брыжинский пытается объяснить этимологию слова «Москва», т. е. предлагает версию его происхождения: «Реку, с крутого берега которой и сверзился Тукан прямо на медведя, вначале так и называли: “Та река, где Тукан оседлал медведя”. Но язык подобные длинноты не любит, не терпит. Поэтому название скоро сократили, и стало оно всего из двух слов – “Медвежья река”. На языке же меря, народа, к которому принадлежал Тукан, это звучит так: “Москва”» [3, 104].

Свое доверие древним источникам автор объясняет следующим высказыванием: «Древние летописцы отражали жизнь правдиво, только когда хорошо знали то или иное запечатлеваемое письмом событие или факт. Им не платили за ложь в отличие от нынешних летописцев, которые в угоду одному власти имеющему готовы как угодно переиначить историю» [3, 75]. Шаг за шагом, приводя все новые культурно-исторические сведения, писатель вместе с тем бичует пороки современного общества, осуждает корысть, беспринципность людей, готовых за деньги или просто из личных побуждений стереть из памяти народа национальное единство и величие. Возможно, именно поэтому фольклорный материал кажется более искренним, чем ряд научных доказательств, вытесняющих истинное понимание предмета исследования.

Приходя в эссе к очередным выводам, Брыжинский вовсе не настаивает на их окончательности и бесспорности; напротив, он обращает внимание исследователей на необходимость дальнейшего изучения семантики структурных единиц эрзянского и мокшанского языков. Отсюда и вопрос: «Кто возьмется за это?» [3, 104]. Плавно переходя от одного слова к другому, эссеист подчеркивает, что у каждой

группы родственных слов есть свое происхождение, требующее глубокого, пристального анализа, причем не когда-то, а именно сейчас.

Характерно, что личность писателя в произведении проявилась с особой силой. Автор смело высказывает свои мысли, вовсе не пытаясь сгладить острые углы социальных противоречий: «Уму непостижимо! Жалеем о бабочках-цветочках, записываем их в Красную книгу, совершенно, конечно, справедливо понимая, что без бабочек, этих живых цветов, планета наша станет мрачнее и тоскливее, но когда на глазах пропадают целые народы – это ничего, это считается в порядке вещей. Даже стараются помочь сгнать с лица земли. И хочется спросить: “Гомо”, да действительно ли ты “сапиенс”?..» [3, 83]. Брыжинский не просто возмущается подобной халатностью, он буквально во весь голос «кричит» о проблемах, имеющих глобальные масштабы, что придает эссе глубину и проникновенность.

Примечательно, что автор выражает свою позицию, он стремится найти ответы на многочисленные вопросы, поставленные в произведении, опираясь на научные, фольклорные данные, мнения ученых, статистику. Особую ценность представляют выводы, сделанные самим эссеистом. Главный из них связан с ответом на вопрос: «Когда и почему назвали нас “мордвой”?». Обобщая все сказанное в эссе, Брыжинский констатирует: «Надо полагать, что и слово “мордва” будет мерянским словом. Это они назвали нас так. От них услышали этот этноним другие народы. И означает оно “люди реки”, “речные люди”. “Морд” (“мурт”, “мирд”, “мур”, “мар”, “мер”) – люди, “ва” – река.

Действительно, если посмотреть на место обитания эрзи и мокши, заметим, что их земли богаты реками, речками, водой. Это, прежде всего, говорит о том, что наш народ в очень и очень древнюю пору стал оседлым. А возможность обитать на одном месте дает только земледелие и скотоводство» [3, 104].

Опровергая мнение ученых, оскорбляющих и принижающих мордовский на-

род, автор говорит о таких чертах характера мокши и эрзи, как трудолюбие, бесстрашие, надежность, проявившихся в укладе жизни, роде занятий, отношениях с другими народами.

А. И. Брыжинский назвал рассматриваемое произведение «...одним из наиболее удачных, смелых по высказанным суждениям эссе в современной мордовской прозе. Свидетельством тому является большой интерес, который произведение вызвало после публикации» [1, 181]. Для самого автора эссе – это одна из существующих возможностей выразить свое видение назревших национальных проблем, глубоко и, отчасти, субъективно.

Другое, не менее емкое, определение работе дает В. И. Демин: «Явовтыть мель авторонть оймень нардевичизь ды апелемазо, конатнень марто сон максызе вайгелензэ тиринь раськенть кеззрень буцядонзо кайсетиця авадря мельтнень каршо. Меельце шкасто мукшновить “вельть содыця” ломанть, конат апак кавтолдо кемевтыть: васень эрзятне ды мокшотне, марят, пек кежеельть, чавность, керсесть прят... М. Брыжинскоень валонзо коряс, те тунь а истяль. Минек раськесь зярдояк эзь пансе лиянь эрямо мельга, ды эйстэнек лавгицятненень, нама, содамаль теде» («Заслуживают внимания твердость духа и бесстрашие автора, с которыми он отдал свой голос против противоречивых мыслей о древнем характере родного народа. В последнее время находят „многознающие люди“, которые заставляют верить: первые эрзяне и мокшане были слишком злыми, убивали, отрезали головы... По словам М. Брыжинского, это совершенно не так. Наш народ никогда не гонялся за чужими жизнями, и тем, кто так говорит, надо было бы это знать») [4, 90]. Оценка эссе, данная В. И. Деминым, подтверждает предыдущее высказывание. Произведение эрзянского писателя, созданное в глубоком и пронизательном жанре, действительно вызвало большой общественный резонанс. То, с какой внутренней силой, убежденностью автор обращается к своему читателю, стало решающим факто-

ром в восприятии текста произведения, его осмыслении.

Нельзя не сказать о новаторстве творчества Брыжинского, обогатившего мордовскую литературу не только в идейно-тематическом, но и в жанровом отношении. Наиболее важными и значимыми характеристиками произведения, на наш взгляд, являются научно-исследовательская направленность; доминирование авторского начала; фактологическая опора, детальность в описании; актуальность проблематики, связанной с освещением национальных вопросов; историзм как основа повествования; глубина взглядов эссеиста (творческая зрелость); открытость, эмоциональность разговорных конструкций в тексте (риторических вопросов, восклицаний); диалогизация.

Эссеист не сковывает себя какими-либо рамками в тематической, идейной направленности произведения. Его главная цель – быть понятым и услышанным своим читателем. Именно поэтому каждая деталь в эссе подается сквозь призму авторского восприятия – индивидуального, эмоционального, субъективного...

Эссе в творчестве Брыжинского занимает важное место. Об этом свидетельствует не менее примечательное в жанровом отношении художественно-публицистическое произведение эрзянского писателя «Тешкс» («Знак»), которое вышло в свет в 1992 г. На его страницах – глубокие размышления о судьбе нации, героях, прославивших мордовский народ. В выражении собственной позиции, мыслей автор по-прежнему необычайно смел и напорист: «Арази ансяк Мордовияс чачомась эли коневсо тешксесь теи ломаненть эрзякс? Арась. Обучась. Потмо ежось. Гентнэ. Вана мезесь теитькак раськенть, нациянтъ. Тень эйтэ ковгак а туят. Секс, косо аволь чачо-касо эрзясь, ули мелезэ тенень арась – сон ялатеке кадови эрзякс. Эсензэ иердеманзо-упрямойчинзэ марто, прянтъ киненьгак покордамс а максома ежонть марто, киньгак мель а ваныцякс. Сон свал “чави эсензэть”. Паряк, а видестэ теи, эрятьволь мендявомс, согласямс, ансяк корось-обучась тензэ а синдеви. А стяко Алтай-

сзяк, косо пек ламо эрзят, рузтнэнь ютко-ва яки истямо евтавокс: “Поперечная мордва”. Лисни, тосояк минек раськесь невтизе прянзо лиянь кедь алов а понгицякс, те шкас яла эсь илань-кирдань, эсь нациянь обучянтъ ванстыцякс, – моли “поперек”. Паряк, “поперек” молемасть ванстаськак эйсэнек те шкас, эзь максо минек раськентень човорявомс эрямо койсэ, обуча-со лиятнень марто ды допрок емамс мастор чамастонтъ». («Разве только рождение в Мордовии или пометка на бумаге делает человека эрзянином? Нет. Характер. Внутреннее состояние. Гены. Вот что делает народ, нацию. От этого никуда не уйдешь. Поэтому, где бы ни родился, вырос эрзянин, хочет он или нет – он все равно остается эрзянином. Со своим упрямством, с чувством собственного достоинства, никому не потакающим. Он всегда “бьет свое”. Может быть, неправильно делает, надо было бы прогнуться, согласиться, только характер ему не сломать. Не зря и на Алтае, где очень много эрзян, среди русских ходит поговорка: “Поперечная мордва”. Выходит, и там наш народ показал себя неподдающимся, до сих пор хранящим свои обычаи, свой национальный характер, – идет “поперек”. Может, движение “поперек” и сохранило нас до сих пор, не дало нашему народу перемешаться с укладом жизни, характером других и совсем исчезнуть с лица земли») [2, 4–5]. В идейно-тематической направленности данного произведения автор проводит определенные параллели с предыдущим эссе. Так писатель в очередной раз подчеркивает значимость вопроса национального единства, сохранение которого год от года становится все важнее.

Исследуя национальный характер, черты своего народа, Брыжинский целенаправленно подчеркивает исключительность мордвы в движении «поперек», которое видится писателем как единственный способ выжить в необратимом процессе глобализации, когда стирание национальных границ и культурных ориентиров общества становится нормой – нормой для людей безразличных, равнодушных к истории и культуре своей стра-

ны, но не для тех, кто чтит память о своих предках. Таким предстает перед читателем главный герой произведения «Тешкс» Матвей Филиппович Митякин (1886–1955 гг.) – кавалер ордена Святого Георгия всех степеней отличия, отважный воин, труженик села, надежный товарищ и опора для нуждающихся. Каждый факт из его биографии является ярким примером подвига, отваги и просто широты человеческой души. Командует ли он ротой, ведет ли разведку, помогает ли нуждающимся, с легкостью расставаясь с материальными благами, – во всем этом чувствуются искренность, добрые намерения. Не меняется герой и после войны. Ожесточенные бои, лишения и потери не сделали его равнодушным к чужим несчастьям. Не забываясь о том, что подумают о нем другие, **М. Ф. Митякин до конца своих дней следует исключительно велению сердца.** Как же поступают с ним люди, ради которых он сражался, не боясь положить жизнь за их покой и благополучие? Медали героя украдены, надпись из серебра на именной сабле оторвана, а сам он чудом остался в живых после очередного нападения. Неужели забыли, а может, и вовсе не помнили о подвигах этого человека?!

В произведении явно ощутим страх писателя за то, что славные страницы истории мордовского народа, подвиги людей будут забыты, канут в лету имена и события. Все эти важные проблемы бытия Брыжинский анализирует в своем эссе. Усиление авторской позиции происходит в работе как за счет прямых обращений к читателю, так и посредством показа характера героя, что подтверждает стремление писателя полнее отразить социальные противоречия, привлечь как можно больше разнообразного жизненного материала.

Несмотря на обилие фактических данных, в том числе биографических сведений, структура текста эссе четкая и последовательная, рассуждения сопровождаются пояснениями и примерами, иногда носящими гиперболизированный характер. Так, осуждая современное общество, поглощенное национальным нигилизмом, Брыжинский называет пример

ную дату, когда на земле вымрет последний эрзянин, – 2181 г. «Забегая» в художественном сознании в далекое будущее, автор пытается воскресить в умах, а главное, в сердцах людей национальную идентичность, чтобы мы вновь вспомнили о своих корнях, осознали важность преемственности поколений, вклада, который внесли в историю народа отдельные личности. Для начала нужно собрать всех героев в одну книгу, не упустив ни одной детали, тогда портреты людей, чья жизнь достойна подражания, с одной стороны, будут постоянно напоминать нам об их славных подвигах, а с другой – выступать четким ориентиром, помогающим не сбиться с пути.

Произведение отличается весомыми, емкими выводами, что особенно важно для эссеистического творчества. Для иллюстрации сказанного обратимся к тем фрагментам эссе, которые в полной мере передают единое впечатление от произведения и резюмируют главную мысль автора: «Бути нельгемс ютазь шкадонзо лецтнематнень, ломанень таркас кадови “биологической существа”, конань арась ике-лепельксэзэ: кинь арась исень чизэ, сень а ули валскень чизэяк, сон карми эрямо ансяк вейке чизэ – течинсесэнтъ. Вейке чизэ эрицясь – куш ломанесь, куш народось – теке ундоксто-корентомо чувто. Мезес те пачти – эрьвась несъ, бути варшты эсь перьканзо». («Если отнять воспоминания о прошлом, вместо человека останется “биологическое существо”, у которого нет прошлого: у кого нет вчерашнего дня, у того не будет и завтрашнего, он будет жить только одним днем – сегодняшним. Одним днем живущий, хоть человек, хоть народ, – словно дерево без корней. К чему это приводит – каждый увидит, если посмотрит вокруг себя») [2, 5]. Тем самым писатель просто и понятно формулирует смысл существования как отдельного человека, так и общества в целом. Текст воздействует не только на разум, но и на чувства читателя. Эмоционально-образное повествование, искренность и прямота в изложении характеризуют широкий диапазон творческих возможностей автора в эссеистическом произведении, в частно-



сти возможность совмещать большой объем информации, разрабатывать проблемы и анализировать их. При этом сделанные выводы не претендуют на исчерпывающую трактовку проблемы, а лишь расширяют границы видимости и понимания ее истоков, последствий, что также важно для эссеистического творчества.

Примечательно, что автор выражает свою позицию, он стремится найти ответы на многочисленные вопросы, поставленные в произведении, опираясь на научные, фольклорные данные, мнения ученых, статистику. Особую ценность представляют выводы, сделанные самим эссеистом.

Таким образом, эссе основательно укореняется в мордовской прозе. В большой степени этому способствует художественное творчество Брыжинского. То, с каким внутренним волнением, душевностью, открытостью писатель подходит к созданию произведений в данном жанре, отчасти напоминает истоки эссе во французской литературе: смелые по форме и содержанию «Опыты» М. Монтеня с постоянным доминированием автора в тексте. Подобное присутствие мы постоянно ощущаем и в произведениях Брыжинского. Писатель открыт для своей аудитории: в смелых и живых высказываниях, в обращениях, содержащих как положительную оценку, так и резкое осуждение. Также очевиден опытный характер размышлений эссеиста с оглядкой в прошлое, которое постоянно возвращает его к воспоминаниям, ассоциациям.

Спектр заявленных проблем, актуальность тематики помогают автору всесторонне реализовывать творческий потенциал. В результате на страницах произведений писатель предстает и как лингвист, и как историк, и как литературовед, и как публицист. В очередной раз подтверждается тот факт, что работа в жанре эссе подразумевает не только жизненный опыт, но и основательные познания в той или иной сфере. Это наблюдается и в творчестве Брыжинского. Позиция писателя ясна и недвусмысленна, каждый выдвигаемый тезис подкрепляется научными данными, фольклорным материалом. Богатство фактологической основы несколько не затрудняет прочтение произведения, напротив, постоянно активизирует читательское внимание, оказывает эмоциональное, психологическое воздействие. Тем самым достигается главная цель, которую преследует каждый эссеист: автор приближен к своей аудитории, открыт для нее, а значит, услышан и понят.

Отмеченные особенности позволяют нам говорить о значительных творческих вершинах, достигнутых М. И. Брыжинским в процессе работы в жанре эссе и, безусловно, обогативших мордовскую прозу. Значительно обновляется идейно-тематический диапазон произведений, расширяется спектр средств авторского самовыражения. Наблюдения, исследовательский характер, отражение личностного мироощущения, подаренный жизнью бесценный опыт становятся во главу повествования, все активнее побуждая мордовских писателей к раскрытию внутреннего мира.

Поступила 07.01.2017

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Брыжинский А. И. Современная мордовская проза: (Движение жанра). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. 232 с.
2. Брыжинский М. Тешкс: эссе // Сятко. 1992. № 8. С. 3–11.
3. Брыжинский М. Эхо веков // Встречи-90. Публицистика. Саранск, 1990. С. 69–111.
4. Демин В. Тиринь раськеде, велень ломанде... // Сятко. 2009. № 4. С. 56–95.
5. Зиновьев Н. В. Человек и время. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. 265 с.
6. Мокшин Н. Ф. Мордовский этнос. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. 160 с.
7. На перекрестке мнений: [сборник] / сост.: Ю. Ф. Юшкин, В. А. Юрченков. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. 224 с.

# ESSAYS IN THE WORKS OF M. I. BRYZHINSKIY: settling the genre and introducing creative innovations

**EGOROVA Natalia V.,**

*Candidate Sc. {Philology}, Lecturer, Department of Journalism,  
Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), tatacute@mail.ru*

**Introduction.** The article considers the essays by M. I. Bryzhinskiy, in particular his work "Pingen' gayd" ("Ringing of the Epochs"). The theoretical basis of the work was the works by A. I. Bryzhinskiy, V. I. Demin, N. V. Zinoviev, N. F. Mokshin. The practical significance lies in the identification of the main trends in the development of the essay in the context of Mordovian literature. The object of the study is the essayistic work of M. I. Bryzhinskiy. The subject of the study is the genre elements of the essay as a deeply individual form of perception of reality. The aim of the research is to reveal the ideological, aesthetic and stylistic originality of the works of this genre.

**Materials and Methods.** The research methodology combines historical-literary and comparative-typological methods of studying literature, as well as content analysis of the texts. The study was based on the works by M. I. Bryzhinskiy, research works of Mordovian scholars having theoretical and methodological significance (A. I. Bryzhinskiy, V. I. Demin, N. V. Zinoviev, N. F. Mokshin).

**Results and Discussion.** The development of the genre shows a new stage in the creative growth of word of artists. The artistic and journalistic work by M. I. Bryzhinskiy is an example of this. The depth and maturity of the views of the essayist are embodied in the work "Pingen' gayd" ("Ringing of the Epochs"). The emotional and figurative side of the work, which accurately reflects the author's origin in the text is emphasized along with the research focus of this essay, an analysis of important historical, cultural and educational issues of our time. The concentration on the most significant genre components testifies the regularity of the stabilization of the essay in the work of M. I. Bryzhinskiy.

**Conclusion.** On the example of the work "Pingen' gayd" ("Ringing of the Epochs") by M. I. Bryzhinskiy, the genre elements of the essay were revealed as a deeply individual form of perception of the reality. The inherent openness, emotionality of conversational constructions (rhetorical questions, exclamations), dialogues are the main features of the genre and they all allow to fully characterize the work as the top of the essayistic creativity of Mordovian prose writers.

**Key words:** essays; Mordovian literature; personal worldview experience; historicism of prose; author's origin.

**For citation:** Egorova NV. Jesse v tvorchestve M. I. Bryzhinskogo: stabilizacija zhanra i novatorstvo tvorcheskogo podhoda [Essays in the works of M. I. Bryzhinskiy: settling the genre and introducing creative innovations]. *Finno-ugorskiy mir* = Finno-Ugric World. 2017; 1: 30–39. (In Russ.)

## REFERENCES

1. Bryzhinskiy AI. Sovremennaya mordovskaya proza: (Dvizheniye zhanra) [Modern Mordovian prose: (Movement of the genre)]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo; 1995. (In Russ.)
2. Bryzhinskiy M. Teshks: esse [Teschks: The Essay] = *Syatko*. 1992; 8: 3–11. (In Mordovian)
3. Bryzhinskiy M. Ekho vekov [Echo of the Centuries]. *Vstrechi-90. Publitsistika* = Meetings-90. Publicism. Saransk; 1990: 69–111. (In Russ.)
4. Demin V. Tirin' ras'kede, velen' lomande... *Syatko*. 2009; 4: 56–95. (In Mordovian)
5. Zinoviev NV. Chelovek i vremya [Man and time]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo; 1995. (In Russ.)
6. Mokshin NF. Mordovskiy etnos [Mordovian ethnos]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo; 1989. (In Russ.)
7. Na perekrestke mneniy: sbornik [At the crossroads of opinions: collection of works]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo; 1990. (In Russ.)